

новой семантической структурой, включающей в себя одновременно актуализацию двух значений — прямого и переносного. В данном объеме термин является инвариантом, описывающим целый класс феноменов, обладающих указанной характерной чертой (метонимия, аллегория, метафора в первом значении и др.). Однако область действия термина ограничена сферой человеческого языка.

3. Междисциплинарное, семиотическое понимание метафоры как универсального способа человеческого мышления, в основе которого лежит применение уже имеющихся знаний и представлений к области еще не понятого, неизвестного. Этот способ делает возможным отожествление явлений и фактов бытия с целью выявления их общих и различных черт. В таком понимании термин используется математикой, физикой, философией и другими науками, а также в рамках всевозможных семиотических систем.

Г. И. Рапова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА НЕКОТОРЫХ НАДСТРОЧНЫХ ЗНАКОВ ПО ДАННЫМ РУССКИХ ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ XV-XVII ВЕКОВ

Надстрочные знаки как особый элемент древнего письма имеют большое значение для языковой характеристики текста. В истории распространения надстрочных знаков в древнеславянских рукописях выделяются три периода, из которых наиболее интересен третий период, начинающийся с третьей четверти XV в., когда появляются регулярные знаки ударения и долгот в книжнославянских рукописях. На рубеже XV-XV вв. появляются акцентированные русские рукописи, указывающие на их связь с книжнославянскими принципами акцентуации². Обилие надстрочных знаков, заимствованных из книжнославянских источников и восходивших к латинской и греческой грамматическим школам, привело на первых порах к слепому копированию книжнославянских источников. Однако на протяжении XV-XVI вв. система акцентных знаков все более совершенствовалась, отражая особенности русского языка того времени. Именно в XVI в., по

наблюдения исследователей, сложилась собственно русская система акцентных знаков³.

При изучении знаков, отражающих систему русского ударения, следует иметь в виду, что многие знаки были ориентированы на русскую традицию развития письменности и носили больше орфографический, нежели собственно лингвистический характер. Отсюда — конкретизм знака, совмещающего сразу несколько функций, и обилие связей знаков. Разобраться в функциональной нагрузке надстрочных знаков — задача достаточно сложная. В этом отношении большую помощь могут оказать средневековые фонетические сочинения, в которых дается объяснение надстрочных знаков. Однако фонетико-орфографические сочинения XV-нач. XVII вв. не представляют собой однородную массу. Среди них были самостоятельные сочинения, написанные, судя по всему, высокообразованными людьми своего времени, которые и пытались приспособить большое количество надстрочных знаков к потребностям русского языка, были и менее самостоятельные сочинения, ориентированные на греческие принципы акцентуации. Кроме того, разные трактаты могли отражать особенности различных типов школ, в которых правила постановки надстрочных знаков не во всем совпадали. "Не всегда эти правила постановки одно и то же"⁴. — писал И. В. Ягич, собравший и опубликовавший основной корпус фонетико-орфографических трактатов средневековья. Вдобавок, средневековые трактаты создавались на протяжении довольно длительного времени, в течение которого и происходила стабилизация постановки надстрочных знаков. Все это создает определенные трудности при отборе грамматических сочинений средневековья в качестве источника лингвистической информации. Тем не менее, изучение этих трактатов показало, что наши древние предки сумели найти приращение наибольшему количеству надстрочных знаков, проявляя при этом изобретательность и тонкое понимание особенностей родного языка.

Из шести типов надстрочных знаков, возможных в русских рукописях, наиболее часто употреблялись "силы", то есть знаки словесного ударения, и "духи", то есть знаки словесного приступа. Из

1 См.: Будатова Р. В. Надстрочные знаки в книжнославянских рукописях XI-XIV вв. — В кн.: Методические пособия по описанию славяно-русских рукописей для Среднего каталога рукописей, хранящихся в СССР, — М., 1976.

2 К о л е с о в В. В. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XV-XV вв. — В кн.: Методические пособия по описанию славяно-русских рукописей для Среднего каталога рукописей, хранящихся в СССР.

3 К о л е с о в В. В. Знаки ударения и надстрочные знаки, с. 119.
4 Я г и ч И. В. Расхождение книжнославянской и русской старинной описи книжнославянского языка. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. I, — СПб., 1885-1895, с. 798.

этих знаков в средневековых трактатах обычно назывались следующие знаки: окси (оксь), или остра / / /, вари / / /, камора, или перисомень / / /, апостроф / / /, великий апостроф / / /, иссо, или знак кендема / / / как знак ударения, а не как знак препинания. Значение знаков окси, вари, камора и кендема известны, они достаточно подробно описаны в лингвистической литературе.⁵

В данной работе исследуются функциональная нагрузка знаков звательного, иссо и апострофа по данным наиболее самостоятельных, на наш взгляд, фонетических трактатов средневековья.

Эти знаки взяты для исследования потому, что функциональная нагрузка их изучена мало и существует мнение, что в ряде случаев знаки по опущенным им фонетическим функциям данных простым перечислением неоднородных правил их постановки. Между тем можно найти определенную систему в соотношении этих знаков.

Знак звательного (псили, кроткая) ставился над начальными не-прикрытыми гласными слова. В памятниках дается следующее определение звательного: "Первое звательное", пишется в начале речений над звательными писменами".⁶ "Звательное" ставится над звательными писменами в начале речений".⁷ В некоторых текстах этот же графический знак / / / назван кроткой, что уже несколько поясняет ее функцию в тексте: "Кроткая наричется, паче оиц над коим писмом она стоит, то писмо кротко решя, а ставится она тоцид в начале речя и в конце над оими писменами а е и оу о с з в м д. К сим речам ... его кзаче из цркви, о нем оупишиса".⁸

Знак иссо / иссо, окс / определяется следующим образом: "Второе окс / пишется в начале речений над звательными писменами, с протяжкою объявится".⁹ "Второе писмо иссо ставится над звательными писменами в началех же речений их с протяжкою объявится".¹⁰

- 5 См.: К о д е с о в В. В. Наострочные знаки "силы" в русской орфографической традиции. - В кн.: Восточнославянские языки. Исследования для их изучения. - М., 1973.
- 6 Я г и ч И. В. Указ. соч., с. 671. Приводимые писмена из фонетических трактатов даются в упрощенной орфографии. Примечания приводятся по орфографии подлинника.
- 7 Там же, с. 925.
- 8 Там же, с. 745.
- 9 Там же, с. 671.
- 10 Там же, с. 925.

Знак апостроф определяется так: "Пятое апостроф" пишется над единственным звательным с ъ а ѣ ѓ, како оучат, тако и глаголет просто. Шестое великий апостроф, пишется над единым писменом над ѡ, со восклицанием объявится. Силе яко же се ѡ ѡ велико бже мисри".¹¹

"Пятое писмо апостроф" ставится над единым писменами. Како кое писмо зовется, тако его просто под апострофом и глаголет. Шестое великий апостроф ставится над едиными же писменами. Како кое писмо зовется, тако его глаголет с протяжкою ясно".¹²

Как видно из приведенных определений, все три знака: звательного, иссо, апостроф ставятся над гласными, если эти гласные начли слово. В чем же разница между ними, зачем нужны три разных знака для помехи начального гласного корня?

Знак звательного (гермин по происхождению русский: в фонетических трактатах того времени гласные назывались звательными, отсюда и название - звательного) ставился над начальными неприкрытыми гласными слова, не несущими ударения. В таком случае этот знак выполнял только делимитативную функцию, сигнализируя о начале слова.

В противоположность этому знаку иссо (термин греческого происхождения, обозначает тонкое прищипание) ставился над начальными неприкрытыми гласными слов, если они были ударными. Не случайно во всех фонетических сочинениях указывается, что иссо "с протяжкою объявится", т.е. произносится долго, а звательного (кроткая) стоит над теми гласными, которые назо "кротко решя". Таким образом, знак иссо, кроме разграничительной функции (указание на начало слова), выполнял также акцентную функцию. Четвертое разграничение по функциям этих знаков очевидно. Некоторое фонетическое сочинение указывает на то, что знак иссо ставился также и в середине слова над неприкрытой гласной, обозначая, по-видимому, йотацию. Такое упрощение знака в определенной степени связано с его первоначальной функцией.

Однако знак звательного противопоставлялся по своим функциям не только иссо, но и апострофу. Звательного ставилось не только над начальной неприкрытой

- 11 Я г и ч И. В. Указ. соч., с. 671.
- 12 Там же, с. 926.

гласной многосложного слова, но и над служебными односложными словами (например, над союзом и или предлогом о), которые не имели ударения и писались обычно слитно с последующим словом. Делimitативная функция этого знака в данном случае еще более очевидна.

Что касается апострофа (термин по происхождению греческий, означает слогоделение), то этот знак, как свидетельствует ряд средневековых фонетических трактатов, стал выполнять в русских памятниках необычные функции, совершенно несоответствие с первоначальным назначением этого знака. Апостроф ставился над отдельными самостоятельными словами, графически представляемыми одной буквой. Эти слова, естественно, имели ударение. Такими односложными словами являлись личные местоимения 3 лица единственного и множественного числа в винительном падеже: мужской род - и, средний род - е, женский род - я в винительном падеже единственного числа, соответственно ѣ, ѣ, ѣ - в винительном падеже множественного числа. О таком значении апострофа подробно говорится в некоторых фонетических сочинениях.

"Апостроф полагается в середине глагола и в конце, а в речех апостроф не полагается, ино бо ест речи и ино глагол, апостроф ни речь, ни глагол, но часть слова вместо бо имени являет, еж ест силе: возми ѣ, держи и, усьлушу ѣ, утверди а " 13. Особо интересно рассуждение о функциях отдельных знаков в наиболее значительном фонетическом сочинении "Написание языка словенским о грамоте и о ея строении". В этой работе, в которой приводится четкое деление букв и звуков, указывается принцип соотношения между звуками и соответствующими им буквами, большое внимание уделяется также проблеме "разумного раздучения речей" на письме. Здесь дается теоретическое объяснение введения особого знака (апострофа) для выделения на письме слов, состоящих из разных писмен" (одной буквы): поскольку эти слова произносятся отдельно, то и писать их нужно отдельно. "Первое писание аше едина пипись, то глаголется особина, яко же се. Выпадет по единому писанию за многу, тако речется имени мужску помани его, и тоже речется помани и. Где же речется имени женскому

13 Г р и ч И. В. Указ. соч., с. 669.

помани еа то ж речется помани ѣ... аше едина пипись силе дучится, то глаголется особина. Тако же и писание особное глаголется" 14.

Нет никакого сомнения в том, что средневековый книжник, используя большое количество именинок в его распоряжении настрочных знаков, пытался найти им применение в русской рукописной традиции, дифференцировать их значения, закрепить за каждым знаком определенное значение. Апостроф, по мнению книжников, противопоставлялся звателью. Звателью ставилось над служебными словами, не имевшими ударения, а апостроф - над самостоятельными словами, имевшими ударение и несущими смысловую нагрузку. Но и в том, и в другом случае знаки ставились над односложными словами, орфографически представленными одной буквой, чтобы определенным образом пометить их в рукописном тексте. Апостроф выполнял сразу три функции в тексте: разграничительную, акцентную и категоризаторную, так как ставился только над самостоятельными словами. Знак звателью над служебными словами выполнял две функции: разграничительную и категоризаторную. Ведь отсутствие знака - это тоже знак; отсутствие апострофа, например, над "и"-этим знаком того, что это служебное слово, а не личное местоимение мужского рода в вин. пад. ед.ч. Сравни: и - и. Значение знаков нашло свое отражение в их графических изображениях.

Иссо соединяет знак звателью и окски, знака ударения, который в русских рукописях ставился в начале и в середине слова, но не в конце. Апостроф соединяет знак звателью и варию, знака ударения, который ставился на последнем слоге слова, чаще всего, если он был открытым. 15

Выраженные в знаках функции:

1 - делimitативная (разграничительная) функция,

/ и - акцентная функция.

14 Г р и ч И. В. Указ. соч., с. 669.

15 См. об этом: Д н о В. А. Славянская акцентология - М., 1981; К о д е с о в В. В. Настроичные знаки "силы" в русской орфографической традиции.

Однако при сопоставлении знаков апострофа — звательного выделяется еще одно соотношение, которое не выражено в традиционном изображении знаков и достигается не простым соединением знака звательного и знака ударения у апострофа. Выполнившими присущие им функции, а таким соединением, которое дает новое качество знаку, а именно, качество самостоятельной части речи, точно так же, как и отсутствие знака ударения у звательного над односложным словом свидетельствует не только об отсутствии ударения, но и о том, что данное слово не является самостоятельной частью речи. При сопоставлении знаков звательного (не над односложными словами) и иссо видно, что выполняемые ими функции выражены в самих знаках. Соотношение знаков звательного (над односложными словами) и апострофа дает новую картину. Третья категориальная функция выражена в простом сопоставлении соединения двух знаков у апострофа с отсутствием такого соединения у звательного, а точнее, соединением одного знака звательного с "значимым нулем".

Что касается большого апострофа, то постановка его объясняется во всех фонетических трактовках совершенно одинаково. Он, как правило, ставился над служебными, в обычной речи неударными словами, если следовало их особо выделить и поставить над ними ударение. Это были восклицательные предложения с предлогом "о", а поскольку восклицательного знака как знака препинания в это время еще не было, то великий апостроф выполнял три функции: выделял служебное слово (делimitативная функция), указывал на ударение (акцентная функция), подчеркивал, что данный отрезок текста принадлежит в особой восклицательной интонации (функция знака препинания): "Шестое великий апостроф, пишется над едinem писемем над с. Со восклицанием обрывает. Сигне ако же се: с: с: велико ожде мисрд'е или ако же се: (о: с) премногому ти члгокобиди".¹⁶

Таким образом, между знаками звательного и иссо, звательного и апострофом наделяются четкие соответствия. Звательного, поставленного над начальной непринкрытой гласной многосложного слова, выполняло только делimitативную функцию. Знак иссо над начальной гласной слова выполнял делimitативную и акцентную функции. Знак звательного над односложными служебными словами выполнял делimitативную и категориальную функции, особым образом выделял не-самостоятельное слово. Знак апостроф над односложными местоиме-

ниями выполнял тройную функцию: делimitативную, акцентную и категориальную (морфологическую), особым образом выделял самостоятельное слово.

О ВРЕМЕНИ ПОВЯЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЙ В РОССИИ
Г. И. РАПОВА

В последние годы в советской и зарубежной лингвистике появилось много работ, посвященных исследованию памятников грамматической мысли XV-XVII веков — собственно грамматик, азбукников, филологических трактатов, риторик и т.д.¹ Однако по сравнению с замечаниями одного из исследователей, "работ, охватывающих корпус определенных грамматических сочинений, не так уж много".² Сказанное в первую очередь относится к русским фонетико-орфографическим трактатам XV-начала XVII веков. Собранные и опубликованные И. В. Агицким еще в конце XIX века, эти сочинения до сих пор не исследованы должным образом. Большое количество содержащихся в них лингвистических терминов, многие из которых нуждаются в специальном объяснении или расшифровке, трудности перевода сложных по своей структуре и не всегда понятных по содержанию лингвистических текстов — все это создавало и создает определенные трудности в изучении данных средневековых памятников. Кроме того, из-за многообразия и даже некоторой противоречивости содержащихся в них сведений создавалось мнение, что материал этих работ не сводится в единую систему. Поэтому его нельзя использовать как надежный лингвистический источник. Этому немало способствовало и высказывание самого Агицы по поводу собранного им материала: "Глава II... заключает в себе самой пестрый и разнообразный грамматический материал, накопившийся при изучении этого вопроса в таком количестве, что трудно даже разобораться или же найти какую-нибудь руководящую нить. Ничего другого пока нельзя сделать, как ограничиться передачей

¹ Только в последние годы в нашей стране вышли две книги, анализирующие грамматику этого периода: восточнославянским грамматиком посвящена книга Н. В. Меучкова "Ранние восточнославянские грамматики" (Минск, 1984), грамматические труды испанского гуманиста XVI века Франсиско Санчеса изданы и прокомментированы Л. А. Мельвиной. См. Мельвина Л. А. у истоков лингвистического знания нового времени. — М., 1985.

² Стрехова О. В. — Н. В. Меучковская. Ранние восточнославянские грамматики. (Рецензия) — Советское славноведение, 1985, № 5, с. 103.